

26.9/1091

Эржан Юсупов

ПОДВИГ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА
ОТКРЫТИЕ КАШГАРИИ

ЭРЖАН ЮСУПОВ

**ПОДВИГ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА.
ОТКРЫТИЕ КАШГАРИИ**

К 175-летию со дня рождения Чокана Валиханова

Санкт-Петербург
2009

ББК 26.89

Ю 91

Проект осуществлен Посольством Республики Казахстан
в Российской Федерации и Генеральным консульством
Республики Казахстан в Санкт-Петербурге

Издание подготовлено редакцией журнала «Консул»

Юсупов Э. С.

Ю 91 Подвиг Чокана Валиханова. Открытие Кашгарии. — СПб.: Изда-
тельско-полиграфическая компания «Коста», 2009. — 64 с., ил.

ISBN 978-5-91258-120-5

В оформлении издания использованы рисунки Ч. Валиханова из кн.:
Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. Графическое
наследие. Алма-Ата, 1972; Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: В 5 т.
Алма-Ата, 1984–1985.

535050

ISBN 978-5-91258-120-5

© Э. С. Юсупов, 2009
© ООО «Журнал «Консул», 2009
© ООО «ИПК «Коста», 2009

Шокан Уалиханов — так называли великого ученого, просветителя своего народа его братья-казахи. Киргизы звали его Чокон Уалихан уулу. Как Чокан Валиханов стал он известен в русской культурной среде, куда молодого офицера, находящегося на царской службе в Омске, ввел Петр Семенов-Тянь-Шанский.

Выходец из славного казахского рода потомков хана Аблая, Чокан получил всестороннее образование в Омском кадетском корпусе, одном из лучших учебных заведений Российской империи. Будучи человеком удивительно одаренным, он за свою короткую жизнь успел сделать очень много. Трудно перечислить все области знаний и умений, где этот выдающийся сын казахского народа проявил свои таланты. Он был востоковедом, историком и этнографом, фольклористом, географом, одаренным литератором и переводчиком, знатоком западноевропейских и восточных языков, просветителем, неутомимым путешественником...

Огромную ценность представляют путевые заметки и дневники, отразившие его полное опасностей путешествие в Кашгарию. По сути дела, оно стало первой научной экспедицией в этот регион, положившей начало целой серии подобных предприятий, осуществленных российскими учеными. Подвиг Чокана Валиханова открыл миру доселе почти неизвестную, загадочную страну Восточного Туркестана — Кашгарию. Сведения о ней стали достоянием науки, нашли отражение в российских и западноевропейских изданиях.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал о нем: «Обладея совершенно выдающимися способностями, Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском корпусе,

а впоследствии... слушал лекции в университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока, и в особенности народов, соплеменных киргизам».

Сегодня глубокое, всестороннее изучение и использование колоссального научного наследия Чокана Валиханова — важная задача ученых Казахстана, России, Киргизии и Узбекистана. Здесь нужно отметить деятельность ведущих научных учреждений этих государств, таких, как Институт востоковедения Министерства образования и науки Республики Казахстан (директор М. Х. Абусеитова), Институт восточных рукописей Российской академии наук (директор И. Ф. Попова), Институт истории Академии наук Республики Узбекистан (директор Д. А. Алимova), а также видных ориенталистов — профессора Киргизско-Турецкого университета «Манас» А. М. Мокеева, вице-президента Академии наук Киргизской Республики В. М. Плоских.

Надеюсь, что это издание не только послужит вкладом в популяризацию наследия Чокана Валиханова, но и в очередной раз привлечет внимание широкого читателя к личности великого сына Казахстана.

*Чрезвычайный и Полномочный Посол
Республики Казахстан в Российской Федерации
З. К. Турисбеков*

Судьба Чокана Валиханова счастливая. Природа одарила его многими и высокими дарованиями: выдающимся умом и цепкой памятью, личным обаянием и большой волей, прекрасной душой и добрым сердцем, незаурядной храбростью и недюжинными литературными способностями. Ход жизненных событий помог ему — пусть не сполна — реализовать на практике свои выдающиеся личностные качества. Выходя из среды кочевого народа, он самим своим существованием, своей незаурядностью, своей многогранностью интересов и возможностей очевидным образом опровергал бытовавшие тогда наивные стереотипы восприятия «диких детей степи». Чокан был первым из сынов казахского народа, о котором самые выдающиеся деятели русской культуры и науки XIX века говорили и писали с неподдельным восхищением, даже с изумлением; Чокан был первым представителем казахского народа, к которому пришла слава выдающегося ученого-востоковеда.

Научное наследие Чокана Чингисовича Валиханова велико и разнообразно. Но самое главное дело его жизни — открытие для науки малоизвестного тогда мира Внутренней Азии. В 50-х годах XIX столетия ему удалось проникнуть в смутный Кашгар под видом торговца и в экстремальных условиях, не единожды оказываясь на краю гибели, собрать богатый материал о духовной жизни казахов, кыргизов и уйгуров, об их повседневном быте и исторической судьбе, материал, ставший подлинным научным открытием. Именно его научное историко-географическое описание края, его вдохновенно изложенный рассказ о политической ситуации в стране, подробный анализ экономики Джунгарии и деталь-

ная характеристика караванных маршрутов принесли молодому Чокану славу выдающегося ученого. Его ожидало блестящее будущее.

Но Чокану была предназначена судьбой короткая жизнь. Кажется, нельзя вернее и короче сказать о непродолжительной, но яркой и богатой содержанием жизни Чокана, чем это сделал профессор Н. И. Веселовский (1848–1918), который писал: «Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских (казахских. — Т. С.) ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд. Он умер от чахотки, не достигнув и 30-летнего возраста».

«Letum non omnia finit» — «Смерть — еще не конец». И впрямь, абсолютной смерти нет. Смерть есть одновременно и жизнь в другой форме ее проявления: человек продолжает жить в нетленной памяти людей, поколений людей, благодаря творениям своих рук, ума и сердца. Это положение подтверждается множеством фактов. В их числе находится также жизнь, смерть и историческое бессмертие Чокана Валиханова (1835–1865), 175-летие со дня рождения которого ныне собирается торжественно отметить общественность Казахстана и России. Грядущему юбилею великого казаха посвящено и эссе о хождении Чокана в Кашгарию известного казахского ученого, живущего в Санкт-Петербурге, Эржана Сагимбековича Юсупова.

Профессор Т. И. Султанов

Предлагая Вашему вниманию эту книжку, прежде всего с глубоким чувством признательности должен отметить работы И. М. Забелина, С. Н. Маркова, И. И. Стрелковой. Имея научную базу и популярный стиль изложения, они послужили мне основой для работы. Первоисточником же для исследователя данной темы являются архивные материалы — автографы самого Ч. Ч. Валиханова.

Долгое общение с путевыми записками Чокана Чингисовича доставило мне настоящую радость. Передо мною были листы, заполненные стремительным почерком моего кумира. Был счастлив прикоснуться к его страницам. Дневники написаны преимущественно по-русски, в стиле, свойственном лучшим образцам русской путевой прозы; многие страницы испещрены заметками в арабской графике, встречаются фразы по-французски. Представляется, что работа над текстами Чокана Чингисовича еще далеко не завершена.

Совершив тайное путешествие в Кашгарию, где любого иноверца смерть подстерегала на каждом шагу, Чокан Валиханов совершил нравственный и научный подвиг, открыл миру неведомый уголок земного шара.

Редкий сплав, точнее, гармоничное сочетание европейской образованности и учености Востока в личности Чокана позволило ему ознакомить тюркский мир с Западом, а Европу не только с родной для него Степью, но и со всей Азией. Короткая, но блестящая жизнь! Ему удалось свершить так много, что другому не под силу сделать за долгие годы.

Юношеское восхищение героем очерка, пронесенное через всю жизнь и выплеснувшееся ныне печатно, разделет со своим народом пишущий эти строки

Э. С. Юсупов

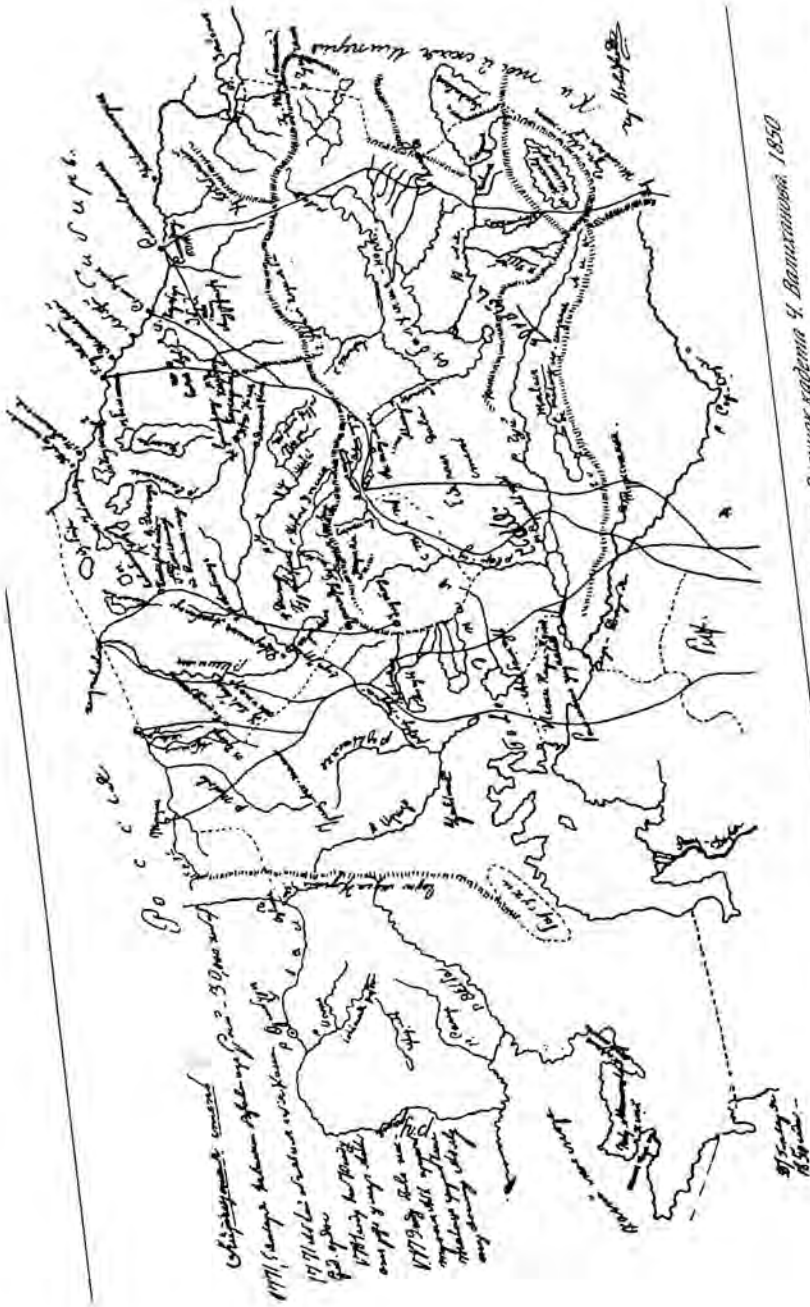
Данное издание было бы невозможно без участия Посла Республики Казахстан в Российской Федерации З. К. Турисбекова, Генерального консула Республики Казахстан в Санкт-Петербурге Ж. К. Кеншимова, доктора исторических наук, профессора Восточного факультета СПбГУ Т. И. Султанова, заведующей архивом Российского географического общества РАН М. Ф. Матвеевой, кандидата исторических наук Ф. Д. Тимофеева, арт-директора некоммерческой организации «Диалог культур» М. Ш. Мусиной. Всем им выражаю искреннюю благодарность.

Чокан Чингисович Валиханов принадлежал к степной аристократии. Отец его, султан Чингис Валиев, доводился внуком хану Аблаю, который в свою очередь вел родословную от Чингисхана. В истории Казахстана хан Аблай — личность выдающаяся: именно он в 1740 году обратился к императрице Елизавете Петровне с прошением принять казахов в подданство России с тем, чтобы обезопасить свои земли от джунгарских притязаний¹. Впоследствии, будучи ханом Среднего жуза², он немало способствовал развитию экономических связей между казахами и русскими.

Чингис Валиев, отец Чокана, был крупным чиновником царской администрации: являясь полковником русской службы, он состоял в должности управителя Кушмурунского округа Омской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Осенью 1847 года он отправил двенадцатилетнего сына в Омск, в лучшее учебное заведение Сибири — Сибирский кадетский корпус³. Прочувшись три года в мусульманской школе, Чокан, тем не менее, быстро освоился в русской среде и вскоре выдвинулся в число способнейших учеников. Программа обучения в корпусе была обширной и насыщенной, преподавали в нем весьма квалифицированные специалисты. Это учебное

Султан Чингис Валиев, отец Чокана Валиханова. Фото

Историко-географическая карта Казахской степи XVIII века. Рисунок кадетов Ч. Валиханова. 1850

заведение для Сибири сделалось подобием Царскосельского лицея, воспитав целую плеяду видных общественных деятелей, ученых, военных. Здесь Чокан изучал историю, литературу, географию, физику, геодезию, картографию и другие дисциплины. С увлечением занимался он и рисованием, совершенствуя под руководством преподавателей-профессионалов свой несомненный природный дар.⁴ Юноша овладел французским и английским языками, усовершенствовал свои знания арабского, прилежно изучал русский язык и литературу. Любимыми писателями Чокана были Гоголь, Диккенс, Теккерей, среди русских поэтов его кумиром стал Лермонтов.⁵

Одаренный мальчик делал большие успехи в учебе. Вместе со своим однокашником, кадетом Григорием Потаниным⁶, мечтали они о путешествиях и приключениях, о том, как станут первооткрывателями далеких земель и посвятят жизнь исследованиям Азии и ее загадочного прошлого.

Восемнадцати лет Валиханов блестяще закончил кадетский корпус. Высочайшее повеление императора Николая I гласило: «Известно и ведомо будет каждому, что мы Сибирского кадетского корпуса воспитанника Чокана Валиханова в наши корнеты 1853 года ноября 8 дня всемилостивейше пожаловали <...>. Мы надеемся, что он в сем <...> чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру надлежит».

Корнет армейской кавалерии был назначен адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири и Области пограничных киргизов (казахов) Г. Х. Гасфорта, что позволяло молодому офицеру глубоко ознакомиться с политическим и экономическим положением края.

В конце января 1854 года, будучи в Омске, Валиханов впервые встретился с политическим ссыльным Ф. М. Достоевским. Их дружеское сближение произошло позже, в ноябре 1856 года, в Семипалатинске, где Достоевский после каторги отбывал солдатчину. Писатель был искренне восхищен своим новым знакомым.⁷

Летом 1855 года Ч. Валиханов сопровождает Г. Х. Гасфорта в экспедиционной поездке по Семипалатинской области, только что образованной в составе губернии. По итогам поездки Чокан составляет служебные отчеты, но помимо должностных обязанностей адъютант его превосходительства занят еще и напряженной научной работой. В круг его интересов входит исследование дипломатических и торговых отношений России со среднеазиатскими ханствами, Индией, Персией и Китаем; он

Дом генерал-губернатора в Омске.
Акварель Ч. Валиханова. 1847

изучает историю Сибири, происхождение волжских болгар, составляет генеалогические таблицы казахских ханов и других восточных правителей вплоть до багдадских халифов, переводит на русский язык казахские пословицы и поговорки.

17 декабря 1855 года Гасфорд подписал ходатайство перед военным министром о награждении за особое усердие и неутомимые труды офицеров Сибирского корпуса. «В числе представляемых заключается состоящий при мне адъютантом корнет султан Валиханов, который хотя и состоит на службе не более двух лет, но, сопровождая меня в степь, принес большую пользу, <...> я нахожу необходимым поощрение Валиханова всемилостивейшего наградою». Чокан был пожалован чином поручика досрочно.

Весной 1856 года поручик Ч. Валиханов был откомандирован в распоряжение полковника М. М. Хоментовского, возглавлявшего экспедицию в северные районы Киргизии для приведения к присяге принявшего российское подданство рода бугу. Дневники, зарисовки, коллекции Ч. Валиханова представляют собой важный источник по истории и этнографии киргизского народа. Во время этой экспедиции Чокан впервые записывает отрывки из киргизской поэмы «Манас» и переводит их на русский язык. Он также записал и перевел народную легенду о трагической любви юноши Козы-Корпеша и прекрасной Баян-сулу — Ромео и Джульетты казахской степи. Результатом поездок в Семиречье и Киргизию стал ряд статей: «Географический очерк Заилийского края», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Дневник поездок на Иссык-Куль» и др.

Ф. Достоевский и Ч. Валиханов.
Семипалатинск (1856–1858). Фото

Каменные изваяния у гробницы Козы-Корпеша и Баян-сулу.
Рисунок Ч. Валиханова

В конце лета 1856 года он в составе российской дипломатической миссии направляется в Кульджу для переговоров о возобновлении русско-китайской торговли. Трехмесячное пребывание в западных владениях цинского Китая⁸ расширило круг научных интересов Ч. Валиханова и послужило подготовкой к его знаменитому путешествию в Восточный Туркестан. Статья «Западный край Китайской империи и город Кульджа» подытоживает результаты его поездки.

По представлению ученого-географа, путешественника П. П. Семенова (впоследствии Семенов-Тянь-Шанский), 21 февраля 1857 года Ч. Ч. Валиханов избирается действительным членом Императорского Русского географического общества за труды и исследования по маршруту Капал—Верное⁹—Иссык-Куль—Кульджа. В газете военного ведомства «Русский инвалид» за 1857 год появилось первое выступле-

Упавшие камни при гудении ветра 12/11/1856
 и в этот момент встала лужа из воды
 и в этот момент встала лужа из воды
 и в этот момент встала лужа из воды
 и в этот момент встала лужа из воды
 и в этот момент встала лужа из воды

На месте bivouак 12/11/1856
 и в этот момент встала лужа из воды
 и в этот момент встала лужа из воды
 и в этот момент встала лужа из воды
 и в этот момент встала лужа из воды

Бивак у подножия горы Тасма.
Рисунок Ч. Валиханова в тексте дневника. 1856

ние Ч. Валиханова в русской печати — письмо из Омска К. К. Гутковскому¹⁰, датированное 10 марта 1857 года, в котором содержится экскурс в историю Средней Орды, описание богатств Алатауского округа Семиречья.

За первые три года службы Ч. Валиханов был удостоен права «ношения бронзовой медали в память войны 1853–1856 годов на Владимирской ленте».

Рисунки Чокана Валиханова 1856 года

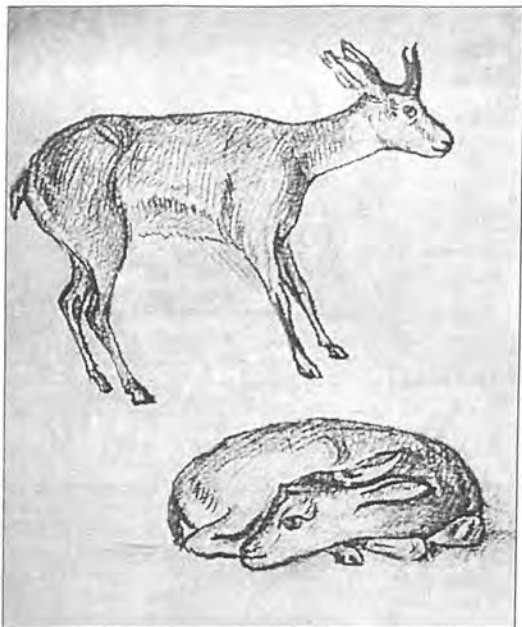

Султан Большой орды
Мамырхан Рустемов

Портрет
Григория Потанина

535050

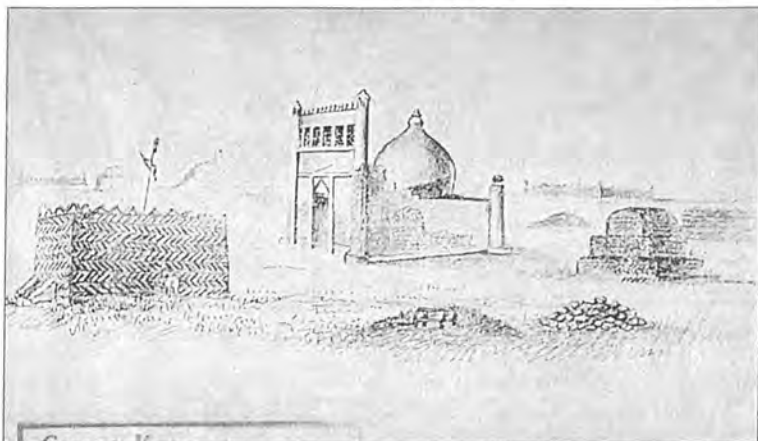

Джейраны

Ревень

Киргизское кладбище на реке Тют

Северо-Кавказский
областной музей
им. С. А. МУХОМОВА
г. Владикавказ

Лагерь на реке Или (Западный Китай)

Курильщики опиума в Китае

Прием у китайского сановника в Кульдже

Автопортрет

15 июля 1857 года в Омск пришло донесение от российского консула в Кульдже И. И. Захарова. Он сообщал, что китайцы в Кульдже и Урумчи напуганы восстанием в Кашгаре, отправляют туда войска. О том, что происходит в самом Кашгаре, Захаров мог сообщить немного: по слухам, в Кашгар двинул-

Н. О. Сухозанет. 1855

ся всякий сброд во главе с ходжой Уали¹¹ и будто бы несколько англичан появилось в Восточном Туркестане для возбуждения жителей против власти маньчжурской династии. Известие о восстании было срочно отправлено в Петербург. Для выработки правильной политической линии России в отношении происходящих событий необходимо было, говорилось в распоряжении военного министра Н. О. Сухозанета от 28 августа 1857 года, «узнать в подробностях и с точностью настоящее положение дел в Кашгаре, степень силы и важности восстания, все случайности успеха <...> и сочувствие на-

рода к прежней магометанской династии». Директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е. П. Ковалевский также оценил сообщение Захарова как весьма важное. Он был обеспокоен тем, что англичане постараются использовать смуту в Кашгаре, чтобы усилить свое проникновение в Среднюю Азию. Для прояснения ситуации необходимо было срочно послать в Кашгар опытного и надежного офицера. Встал вопрос о наиболее подходящей кандидатуре для выполнения этой сложной и опасной задачи. П. П. Семенов подал совет генерал-губернатору Гасфорту послать в Кашгар

поручика Валиханова. Он писал: «Ч. Ч. Валиханов единственный офицер, который, будучи послан в национальном киргизском костюме в Кашгар, мог бы, по своему развитию и талантности, собрать драгоценные для России сведения о современном состоянии не только Кашгара, но и всего Алты-Шара¹², и разъяснить причины происходивших в то время смут в Китайском Туркестане». С молодым офицером-казаком Петр Петрович познакомился незадолго до этого в Омске, в доме К. К. Гутковского. Прямой, насмешливый, резкий в суждениях Ч. Валиханов не случайно запомнился Семенову: этот офицер, начинающий ученый-натуралист, отлично знал быт, нравы и обычаи своего народа и мечтал о путешествиях по Средней и Центральной Азии. Еще в конце 1856 года во время встречи в Семипалатинске с Семеновым и Достоевским Валиханов поделился с ними своей мечтой — проникнуть в Центральную Азию: «Не в Кашгар ли мне отправиться для начала?». Теперь, когда мечта молодого Чокана становилась реальностью, Семенов не без некоторой зависти подумал, что Валиханов обладает перед ним несомненным преимуществом: казах без особых затруднений может проникнуть в те районы Азии, куда русского едва ли допустят бдительные китайские чиновники. И вот 30 октября 1857 года генерал-губернатор Гасфорт докладывает военному министру Н. О. Сухозанету: «В выборе чиновника для сего поручения я остановился на состоящем при мне для особых поручений поручике Валиханове. Офицер этот <...> воспитывался в Сибирском кадетском корпусе. Несомненной преданности правительству, с очень хорошими дарованиями, и на расторопность его вполне можно положиться. Сверх того, он хорошо ознакомился с историей и нынешним состоянием среднеазиатских владений и, будучи сам мусульманин, скорее русского чиновника может снискать доверие своих единоверцев».

Е. П. Ковалевский.
Рисунок Ч. Валиханова. 1860

П. П. Семенов. 1850-е.
Фото

Необходимость выработки правильной политической линии России в отношении происходивших в Кашгаре событий и исследовательские интересы русских ученых должны были способствовать успеху начинания. Уже ранние записи в путевом дневнике «На Иссык-Куль и в Кульджу» свидетельствуют, что Чокана все больше интересовал Кашгар, где Россия при заключении Кульджинского договора¹³ предлагала учредить факторию, но получила отказ. На русские товары там хороший спрос, — свидетельствовали купцы. Чокан расспрашивал знаю-

щих людей, можно ли проникнуть в Кашгар каким-нибудь иным образом, не с торговым караваном, который будет двигаться уж очень медленно. Опытные караван-баши и торговые люди считали, что в такие смутные времена любой путник под любым обличем рискует головой. Меньше всего подозрений вызовет солидный торговый караван. Купца стригут как овцу чиновники, купца грабят разбойники, но купца не убивают. Торговля на Востоке священна. Становилось очевидным, что в Кашгар можно проникнуть только нелегально. Когда П. П. Семенов в доверительной беседе спросил Валиханова:

— Готовы ли Вы к рискованному путешествию? — коротко, без раздумий он ответил:

— Да.

— На днях я встречусь с Гасфортом и расскажу о нашем плане. Его заинтересуют военные сведения об Алтышаре: каковы силы кокандцев, насколько прочно их положение. Ну, а Вы не должны забывать о науке — Центральная Азия исследована никак не более внутренней Африки. — Уходя, Семенов сказал: — Я чувствую себя все-таки глубоко виноватым перед Вами, Чокан Чингисович. Вы очень молоды, а я соблазняя Вас на предприятие в высшей степени опасное. Вы можете проникнуть в Кашгар только тайно, но если там установят, что Вы русский офицер...

Это путешествие стало для Валиханова самым опасным и одновременно самым главным событием его жизни. На во-

прос: «Если придется погибнуть, то во имя чего?» у него был для себя честный и прямой ответ: «Во имя науки, во имя знания Европы об Азии и Азии о Европе».

План и программу предстоящей экспедиции обсуждали П. П. Семенов, полковник К. К. Гутковский, подполковник М. Д. Перемышльский¹⁴. Чтобы обеспечить успех этому сложному, чреватому многими неприятностями предприятию, на помощь привлекли богатого семипалатинца Букаша Аупаева. Многоопытный купец, побывавший во многих азиатских краях, он предложил легенду, с которой согласились и Гасфорт, и Валиханов. Букаш решил выдать Чокана за сына одного кашгарца, в действительности выехавшего в Россию еще в 30-х годах XIX века. По сведениям, осторожно собранным Аупаевым, кашгарец этот умер, кажется в Саратове, оставив в России сына-сироту по имени Алимбай, почти одногодка Чокана. Родственники, оставшиеся в Кашгаре, ничего не знали о его судьбе. Букаш распустил слух, что молодой кашгарец из Саратова вскоре приедет к Мусабаю — своему родичу, отыскивавшемуся в Семипалатинске, чтобы вместе с ним отправиться в Кашгар — повидаться там с общей родней. Но этой выдумки Букашу и Мусабаю показалось мало. Они узнали, что в Кокандском ханстве живет его престарелая бабушка, мать умершего в Саратове отца. Валиханову предстояло принять имя Алимбая Абдиллабаева — кокандского подданного, сына выходца из Маргелана и внука знатной женщины из Коканда.

Караван состоял из шести отдельных частей — кошей. У каждого был свой владелец, торговавший самостоятельно. На должность предводителя каравана, караван-баши, Букаш назначил своего верного человека, Мусабая Тахтубаева, не раз бывавшего в Кашгаре и имевшего там родственников и знакомых, которые всегда могли подтвердить, что Мусабай — честный купец. Пришлось Валиханову обрить голову и заменить офицерский мундир на восточный халат.

28 июня 1858 года Чокан Валиханов неподалеку от города Копал, в урочище Карамула, присоединился к каравану, вышедшему из Семипалатинска. Будучи по легенде родственником караван-баши, Валиханов—Алимбай-мурза получил в управление кош и походную юрту. 1 июля караван снялся и медленно пошел к возвышающимся на юге горам Джунгарского Алатау. Минувя Алтын-Эмель, караван пересек горы и спустился в пустынную, каменистую долину реки Или, несущей свои воды в озеро Балхаш. Тропа вела к переправе. Переправа продолжалась три дня, и немудрено: более ста верблюдов было в караване, 65 лошадей, шесть юрт, а товару — на 18 545 рублей серебром: ситцы ивановских фабрик, коленкор, цветной полубархат, штоф, канитель, шкуры, кожи, медные тазы, зеркала, подносы — все это покоилось в хорошо упакованных тюках. Людей по списку числилось 42 человека. Караван двигался древней тропой с той же скоростью,

Городская площадь в Копале.
Рисунок П. Кошарова

с какой здесь проходили караваны сто, двести, триста лет назад — 25 верст в сутки. К такой неспешности Чокану оказалось привыкнуть труднее, чем к торговым делам, ежедневным молитвам и пятикратному намазу.

6 августа караван остановился возле аула

Чон-Карача на реке Кегень — у киргизов рода бугу. Среди бугинцев торговали почти месяц, караван приобрел около четырех тысяч баранов. Мусабай со вздохом сказал, что мало, потому как половина в пути подохнет. В Кашгаре цены на скот поднялись вдвое, а по некоторым слухам — и втрое.

Скот всегда дорожает во время войн и восстаний. Снимаются подозрения с каравана, рискнувшего идти в охваченный смутой Кашгар. Скот подорожал! Когда речь идет о колоссальных барышах, купцом овладевает отвага.

Река Или. Рисунок П. Кошарови

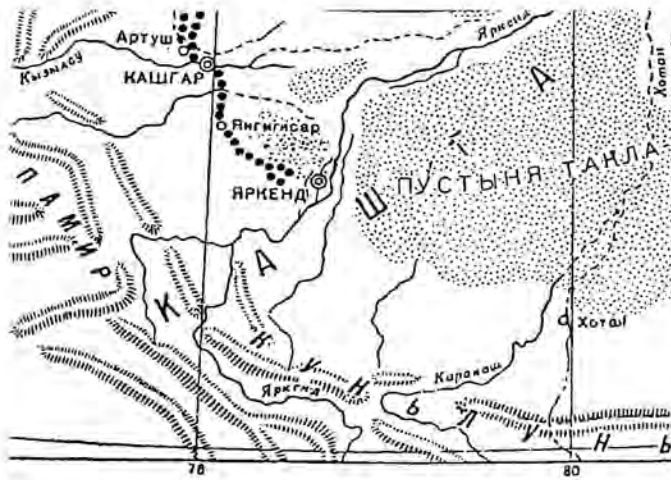
Уже перед самым выходом среди местного населения пронеслась молва, что в семипалатинском караване следует русский офицер, — простому человеку не понадобятся железная кровать и самовар. Эта подробность — насчет кровати — почему-то особенно заинтриговала бугинцев. Валиханов вез с собой металлическое складное ложе не только из привычки к комфорту. Он уже тогда страдал грудной болезнью, по-русски именуемой чахоткой, и избегал спать на земле, боясь простудиться. Болезнь для него означала бы срыв всего дела, столь тщательно подготовленного. Слухи настораживали, но ни Мусабай, ни Чокан отступить не собиравались.

Пора было идти дальше: близилась зима, и высокогорные перевалы могли закрыться. Неожиданно встретился кашгарский караван — они тоже закупали скот у киргизов. Кашгарцы несколько не удивились, что Мусабай идет в Кашгар, даже обрадовались: на караванных тропах Тянь-Шаня хозяйничали барымтачи¹⁵, грабившие купцов. Поэтому караваны объединились. Из долины Кегеня караван стал подниматься к перевалу Сан-Таш, ведущему в Иссык-Кульскую котловину. На северном берегу озера Иссык-Куль, у реки Кара-Батпак, Мусабая и Валиханова поджидал казачий отряд, назначенный в охранение. Но, боясь, что присутствие вооруженных русских может навлечь подозрения, Валиханов послал нарочного к начальнику отряда с просьбой не подходить

к каравану, а следовать за ним на расстоянии, под видом рекогносцировки местности.

9 сентября, после ночевки на берегу реки Кызылсу, у подножья хребта Терской-Алатау, караван вышел в Заукинское ущелье, ведущее на перевал, а отряд казаков повернул обратно. Последняя нить, связывающая Валиханова с родиной, порвалась, и теперь он уже не мог рассчитывать ни на чью защиту. Отсюда начинались Кокандские владения. Насчет дальнейшей охраны Мусабай условился — за плату — с биями, родовыми старейшинами племени кыдык Борсуком и Джанетом. На первой же ночевке пропала одна вьючная лошадь. Работники пошли по следу и в горах настигли воров. Среди пойманных оказался брат Джанета. Джанет, сам занимавшийся барымтой и имевший громкую разбойничью славу, сделал вид, что рассердился на брата, оставил его в караване, а сам поскакал в аул, обещая немедленно вернуть лошадь, на которой удалось бежать одному из воров. Через два дня вооруженная шайка Джанета, насчитывавшая около семидесяти человек, напала на караван. Ружейные залпы заставили барымтачей отступить, унося раненых. Первое нападение было отбито, но все понимали, что это только начало, что впереди предстоят новые столкновения с падкими на чужое добро разбойниками.

14 сентября Чокан начал кашгарский дневник: «Сегодня мы перешли Заукинский переход и вступаем в страны неведомые и неизвестные. Неизвестность эта заставляет меня вести более подробный и правильный дневник». Огромные горные массивы, увенчанные остроконечными ледяными пиками, вздымались до небес. Караван шел то по узким, словно прорубленным одним ударом гигантской сабли ущельям, то поднимался на открытые всем ветрам перевалы. По схематической карте на одной из страниц дневника видно, что дальнейший путь от Зауки шел по пустынному высокогорью, представляющему собой безжизненное нагромождение скал. Валиханов не ощущал удушья, и только когда спрыгнул с коня и пошел пешком, почувствовал, как гулко и тяжело колотится сердце, а в висках со звоном пульсирует кровь. Тихая, скованная морозом равнина лежала на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря. Все ближе становились

Маршрут путешествия Ч. Валиханова. 1858-1859 годы

Вершины гор. Акварель Ч. Валиханова

ледниковые панцири, лишь кое-где пробитые черными ребрами скал. Чокан знал, что с них часто срываются бешеные ветры, что в снежном буране здесь погиб не один караван. Валиханов ехал по местам, где до него не бывал ни один ученый. Даже Петр Петрович Семенов не доходил сюда... Чокан невольно

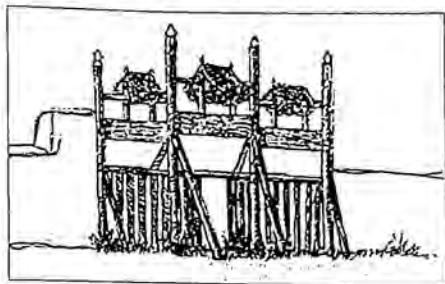
вспомнил, что Семенов, его наставник и коллега, во время последней беседы в Омске просил по возможности выяснить судьбу немецкого ученого Адольфа Шлагинтвейта¹⁶, пропавшего без вести в Кашгаре. В Европе были очень этим обеспокоены.

В пути вьючные лошади и нагруженные кладью верблюды скользили по обледенелым камням, срывались вниз, разбиваясь насмерть. Только при подъеме караван потерял пять верблюдов и двух лошадей. Вьючный скот отошал, испортил ноги, и на каждой стоянке оставались издохшие животные. Десятками гибли бараны. На Чақыр-Коруме потеряли сразу двести баранов, свалившихся в пропасть. Караван-баши устал считать потери. Но самые большие неприятности подстерегали караван у Теректинского ущелья на южной окраине Тянь-Шаня, где на купцов нападали киргизы из рода чонбагыш. Опытный Мусабай отправил гонцов в Кашгар к тамошнему аксакалу — купеческому старшине, давнему своему приятелю с просьбой выслать солдат для охраны.

26 сентября Чокан записывал в дорожную тетрадь: «Южный склон, где мы теперь стоим, заметно потеплел, есть полынь и чий. От высоты Теректы до [первого китайского пикета] Ислыка 60, до Кашгара 135 верст. Тороплюсь: дневник сейчас зарывается в землю, и если бог возвратит нас живыми и здоровыми, не испортит [его] сырость, [мы] опять покажем [его] белому свету. Поручаю тебя [тетрадь. — Э. Ю.] аллаху, до свидания. ...Завтра, может быть, дойдем до караула и, без сомнения, подвергнемся тщательному обыску. Через два дня будем в Кашгаре, что далее — в воле божьей, на него же возлагаем наше упование. Аминь».

Чокан завернул тетрадь в кусок коленкора и упрятал в деревянный сундук. Зарыв свой клад в землю, Чокан показал место Мусабаю. — «Если со мной что случится, знаешь, кому отвезти тетрадь». Как только караван вступил в ущелье, сразу появились вооруженные киргизы. За свободный проход они взяли скромно: всего «девятку»¹⁷ красных кож русской выделки. Мусабай со скорбным лицом занес в расходную книгу помету: «Взято с насилием». После выяснилось, почему грабители потребовали так мало: прошел слух, будто позади каравана следует отряд казаков. Убедившись, что это не так, киргизы вновь подкараулили караван и преградили дорогу у последнего перевала Кок-кия. Миновать проход караван не мог, одолеть многочисленную шайку — тоже. Выхода у Мусабая не было, вступили в переговоры. Киргизы запросили огромный выкуп: десять «девяток» — красным сукном, кожей, плисом, ситцем, бязью и прочим. Неизвестно, чем кончился бы затянувшийся спор, если бы не подоспел конный отряд, посланный из Кашгара аксакалом. После короткого боя шайка позорно бежала. Предводитель отряда вручил караван-баши письмо от аксакала и собственноручно надел на Мусабая и Чокана халаты, присланные в знак особой милости. Чокан понял, что кашгарский аксакал многоопытен и многоумер. И халаты прислал, и письмо. И отряд подоспел вовремя. Уж не прятались ли они за кустами, выжидая наиболее эффектный момент для появления в роли спасителей? Спасителю полагается награда. Мусабай аккуратно занес в памятную книжку: сукна — 20 аршин, люстрину — 15, ситцу — 48, платков — 6 штук. И пометил: «добровольно, за оказанное содействие против киргиз».

27 сентября караван пересек весьма условную в этих местах границу Китайской империи и подошел к первому пикету — маленькой крепости, обнесенной глиняной стеной, с четырьмя башнями по углам. В сторожевом пикете Ислык-караул не оказалось китайского офицера, на обязанности которого лежало учитывать число людей, верблюдов и лошадей, проходящих на Кашгар. Другой чиновник, получив взятку, решил каравану продолжить путь. Переводчик, обойденный по оплошности дарами, оскорбленный в самых лучших чувствах, послал о них в Кашгар ложные сведения. Он назвал их «татарами» (а к татарам — выходцам из России — в Кашгаре тогда относились с подозрением)¹⁸, указал, что в составе каравана более сотни человек и все они вооружены винтовками. Ни о чем не догадываясь, караван спокойно двинулся к городу. В Кашгаре донесение из пикета произвело переполох. По распоряжению властей в городе объявили военное положение, на крепостных стенах выставили усиленную стражу. Караван стал лагерем в двенадцати километрах

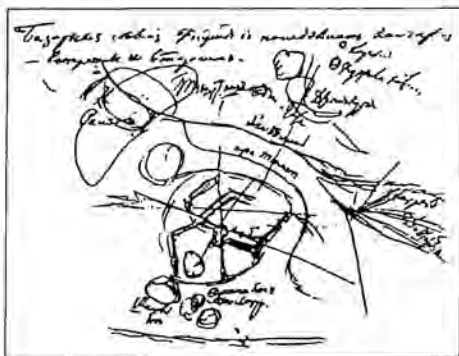
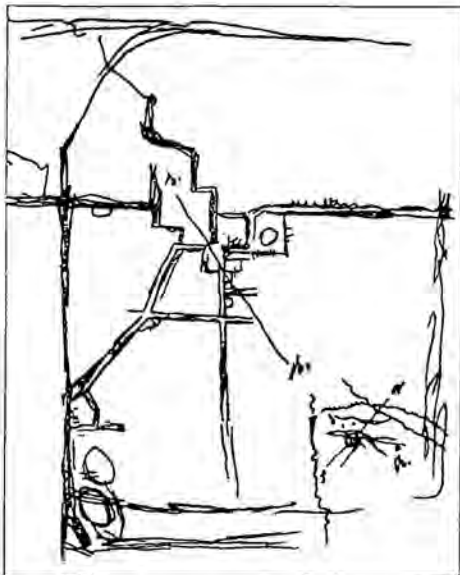
Часть городских ворот, Западный Китай.
Рисунок Ч. Валиханова

от городских ворот. Мусабай с несколькими старыми караванщиками, ранее бывавшими в Кашгаре, поскакал в город «отдать салям» аксакалу. Аксакал Насырэддин сохранял полнейшее спокойствие — он не поверил вздорным слухам и приветливо встретил старого знакомого; он тотчас послал в караван закетчи¹⁹ — сборщика

закета, обязательного налога с мусульман. На другой день, покончив с закетом и отправив скот откармливаться на пастбище, караван пошел к Кашгару. На полпути их остановили важные китайские чиновники, которые распорядились развязать вьюки для осмотра. Не покупившись на подарки, Мусабай уговорил чиновников пропустить караван в город.

Караван вступил в Кашгар в полдень 1 октября 1858 года. Валиханов ехал впереди, рядом с Мусабаем. Мусабай шепотом сказал Чокану: «Нельзя ходить в шапках, как русские татары. Навернем чалму». До открытых ворот оставалась сотня метров, когда внимание Валиханова привлекла странная аллея из жердей с подвешенными клетками. «Что это?» — невольно вырвалось у Валиханова. «Головы казненных повстанцев, сторонников мятежного ходжи Уали из Коканда», — ответил Мусабай.

Перейдя по мосту через ров и миновав тройные дощатые ворота, Валиханов увидел низкие глиняные дома с плоскими крышами, обнесенные глинобитными заборами — дувалами, пропыленные ветви фруктовых деревьев и тесные грязные улицы. Мусабай, Валиханов и их спутники остановились в караван-сараяе «Анджан». Аксакал Насырэддин по-прежнему покровительствовал каравану, что только усиливало подозрительность китайских чиновников. Они

Схематические планы города Кашгара (1858) и его окрестностей (1859).
Наброски в тексте дневника
Ч. Валиханова

внимательно осмотрели все вьюки и образцы товаров отослали самому главному китайскому правительственному чиновнику — амбаню. Один из полицейских чинов, несмотря на протесты аксакала, потребовал караван-баши к себе. Валиханов решил пройти все испытания вместе с ним. Их долго расспрашивали о пути, о товарах, о цели приезда. Но допросы на этом не кончились. Будучи вызваны на следующий день к амбаню, они поняли, что все предыдущие осмотры и допросы имели характер лишь предварительного следствия. Мусабай по-настоящему струсил. Да и Валиханов чувствовал себя не многим лучше. Амбань молча рассматривал их, долго и пристально, и никто не смел мешать ему ни вопросом, ни жестом. Валиханову казалось, что он слышит, как тяжело падают на землю минуты... Наконец амбань сказал: «Это не русские и не татары: аксакал сказал правду — они анджанцы». «Анджанцами» в Алтышаре называли всех выходцев из Средней Азии, по названию города Андижан.

Благодарить за спасение следовало аксакала Насырэддина: он дал амбаню письменное поручительство за всех, кто

Типы уйгуров Восточного Туркестана. Рисунок Ч. Валиханова. 1859

пришел с его старым другом Мусабаем. После встречи с амбанем их перестали допрашивать, но и Валиханов, и Мусабай постоянно чувствовали, что тайный надзор за ними продолжается.

Чокан убедился, что аксакалы, чиновники, назначаемые кокандским ханом в Кашгар, Яркенд, Хотан и другие торговые города Восточного Туркестана, обладают большой властью²⁰. Аксакалу подчинялись все иностранцы, проживающие в городе, все купцы — индийцы, персы, афганцы, армяне, бухарские евреи, татары. Восемь караван-сараев, гостиные дворы, таможня, две рыночные площади — все это было только частью владений Насырэддина, аксакала кашгарского. Аксакалы собирали подать с товаров, привозимых иностранцами: 1/40 часть с мусульман, 1/20 — с христиан. Собирали подать с хлебных полей и хлопковых плантаций, от киргизов брали по одному барану с 40 голов. Главный аксакал сидел в Кашгаре и имел свою полицию, сборщика заката, маклера, казначея, своих судей, приставов и солдат. В сущности, он находился на положении отдельного губернатора. Местному правителю — хакимбеку — аксакал не подчинялся. Хакимбек управлял только кашгарцами. Возблагодарив Аллаха за счастливое избавление, Мусабай записал в памятную книжку длинный счет товарам, данным в городе Кашгаре 7 октября 1858 года главному начальнику — Насырэддину-датхе на сумму 130 рублей. И сделал пометку: «Добровольно, в подарок».

Назавтра Мусабай приказал начинать торговлю. Семипалатинский караван выставил свои товары в одиннадцати лавках сарая «Кунак». Торговля сразу пошла бойко, поскольку после восстания ходжи Уали всякий привоз из Коканда был прекращен. Семипалатинский караван был первым привезшим товары, пользующиеся большим спросом, — ситец ивановских фабрик, рижский бархат, тульские самовары. Торговля скотом велась на особом базаре. Слухи о высокой цене на скот подтвердились, бараны шли по ползолото²¹ за голову. Тем обиднее, что в пути однажды свалилось в пропасть две сотни баранов — сто золотых монет кашгарского рынка! Мусабай принимал золотые монеты и китайские ямбы²² — серебряные слитки, формой похожие на маленькие лодки.

Кашгарка.
Рисунок Ч. Валиханова. 1859

Предстояли затраты: по дороге в Кашгар пало много верблюдов, из 101 осталось 36 — придется покупать новых.

В Кашгарии существовал строгий, освященный вековой традицией обычай: каждый иностранец, приехавший в город, обязан был временно жениться на чаукен — молодой женщине, специально предназначенной для этих целей. Иностранцу необходимо только сходить на базар, куда в ожидании нового мужа сходятся свободные чаукен, и выбрать себе временную подругу. Вас без проволочек обвенчают по правилам шариата, а при отъезде — разведут, от мужа требовалось только кормить и одевать жену.

Воспитанный в иных правилах, Валиханов очень удивился, когда Мусабай заявил, что им надо идти жениться. Валиханов попробовал отшутиться, но Мусабай сразу посерьезнел — не подчиниться обычаю значило выдать себя. Они пошли в центр города, на базарную площадь — Чарсу, что располагалась как раз рядом с Регистаном — соборной мечетью. Мусабай уверенно прокладывал дорогу в ту часть базара, где коротали время чаукен. Валиханов покорно плелся следом. Купец Алимбай вступил во временный брак: «Чтобы не выходить из общего порядка, мы должны подчиниться этому обычаю», — заметил он в дневнике. Вечером караван-баши устроил машреб — пир для многочисленных знакомых и родственников. В Кашгаре Алимбай частенько задавал пышные пиры всему купечеству. На них побывали и родичи Алимбая. Они не заподозрили подвоха и приняли Валиханова как своего; престарелая бабка даже прислала ему подарок из Коканда — вышитый золотом тюбетей.

Торговля шла успешно, товары продавались с большой выгодой. По расчетам караван-баши, для откорма вьючных животных требовалось не менее двух месяцев. Валиханов ре-

шил воспользоваться этим и совершить поездку по стране. Ему хотелось посетить Яркендский оазис и город Яркенд. Семипалатинский купец бухарец Мухсин Сагитов согласился ехать с ним и повезти в Яркенд немного казанской юфти. Почтенный Насырэддин, конечно, не отказал своим землякам в выдаче пропусков. Он никак не мог налюбоваться подарками — русскими часами со звоном и вороненым пистолетом. Они получили у аксакала разрешение на выезд и 10 октября отправились в путь. Спутники рассказывали Чокану, что Яркенд куда больше Кашгара, а крепостные стены втрое выше. В крепости четверо ворот. В квартале Сокакуль ткнут шелка, в квартале Нисходжа-кули торгуют рисом и мясом. В квартале Курколь живут кашмирцы, они имеют своего аксакала. Бадахшанцев тоже много, на базаре есть китайские харчевни и индусские лавки. Путники добрались до Янысара, и на первой же ночевке за Янысаром их догнал нарочный с письмом от Мусабая. В нем сообщалось, что в Коканде Худояр-хан свергнут с престола своим братом Мали-беком.

Солдаты-анджанцы с крепостным ружьем. Рисунок Т. Гордона

Не исключено, что опять взбунтуется мятежный ходжа Уали Чокан со спутниками тотчас повернули коней назад.

В Кашгар к аксакалу Насырэддину прибыли гонцы и от хана Худояра, и от его брата Мали-бека — с требованием немедленно выслать закят. Аксакал попал в трудное положение. Он решил повременить, и не ошибся. 15 октября пришло достоверное известие о водворении на ханство Мали-бека, и Насырэддин получил ханский ярлык — его оставляли в прежней должности. Но аксакал был слишком опытным человеком, чтобы поверить в искренность ханов. К подобным приемам новые владыки прибегали часто, и делалось это для того, чтобы аксакал не припрятал собранные деньги. Поверенные нового хана, прибыв в Кашгар, заключили Насырэддина под стражу и дочиста обобрали его.

25 ноября в Кашгар прибыл новый аксакал Нурмухаммед. Из-за кокандского дворцового переворота Чокан и его спутники вновь очутились на краю пропасти. Тревожно было на сердце Валиханова — что сулит ему приезд нового аксакала? Ведь от него целиком зависит их судьба. Ясно было одно — к новому начальству с дешевыми подарками лучше не соваться. Нурмухаммед оказался человеком веселым и общительным. Разгульные машребы он предпочитал серьезным делам, и семипалатинские караванщики легко поладили с ним. Щедрые подарки окончательно уверили нового аксакала, что эти купцы — люди глубоко порядочные, истинные мусульмане. Мусабай занес в памятную книжку реестр товаров, врученных вновь прибывшему господину Нурмухаммеду, на колоссальную по тогдашним временам сумму — 225 рублей. И пометил: «Добровольно, в подарок». В этом реестре между сукном 26 аршин и люстрином 16 аршин записана и злосчастная железная кровать. С новым кокандским резидентом у Чокана-Алимбая сложились даже приятельские отношения. Нурмухаммед охотно посещал застолья, устраиваемые для него Алимбаем, и приглашал молодого купца к себе, делал ему подарки и — что уж вовсе удивительно! — дал ему разрешение ходить по городу ночью, тогда как все иностранцы обязаны были после 9 вечера сидеть дома. От Нурмухаммеда Чокан узнал подробности кокандских дворцовых переворотов. О Мали-хане, новом властелине Коканда, аксакал Нурмухаммед

рассказал немало интересного. Для Малихана было важным делом поставить на ключевые посты своих сторонников. Чокан вывез из Кашгара длинный список назначений, произведенных новым властителем, чем, конечно, порадовал Министерство иностранных дел, как и сведениями о предполагаемой внешней политике Малихана. У Чокана в Кашгарском отчете отмечено, что по слухам Малихан намерен установить отношения с Россией и будто бы уже готовится посольство. Благодаря Нурмухаммеду Чокан узнал и о происках англичан. В 1855 году англичане приходили в Яркенд и были выдворены обратно. А во время пребывания Чокана в Кашгаре английский агент приезжал в Хотан, чтобы узнать о судьбе убитого европейца. Этим европейцем мог быть только немецкий географ Адольф Шлагинтвейт. Говорили, что он шел из Бомбея в Коканд с письмом от англичан к Худояр-хану. Его сопровождал опытный проводник-индус, который предупреждал, что в Кашгар идти опасно. Но Шлагинтвейт не внял советам. Он приобрел дорогие кашмирские шали, чтобы представиться и преподнести их хожде Уали. Тот потребовал: «Давай бумаги». Европейец ответил, что может отдать письмо только тому, кому оно послано. В тот же день светловолосая голова взлетела на вершину жуткой пирамиды из человеческих голов, собственноручно отрубленных безумным фанатиком. Трагедию Шлагинтвейта Чокан переживал как свою собственную, да и кто мог поручиться, что он сам благополучно доберется до русской границы? Дорого бы дал Чокан, чтобы узнать, о чем писали англичане кокандскому Худояр-хану, но Нурмухаммед или не видел писем, или не хотел сказать. Сообщил лишь, что индус уцелел и до сих пор живет в Яркенде. Нет смысла, однако, обращаться к нему в поисках имущества несчастного Шлагинтвейта. Все — инструменты, коллекции, записи — досталось палачу и пропало.²³ Получив такие сведения из первых рук, Чокан понял, что, вопреки надеждам П. П. Семенова, не привезет никаких вещей Шлагинтвейта, а сможет только подтвердить факт его гибели. Если сам, конечно, уберется отсюда подобру-поздорову.

Адольф Шлагинтвейт.
Рисунок Б. Тейлора

Жизнь в Кашгаре шла своим чередом. Чокан продолжал знакомиться с древним городом. Молодой купец Алимбай бродил по базарам, изучая цены на маргеланский шелк и английские сукна, заходил в книжные лавки — и продавцы рукописей умилялись, когда он, не торгуясь, брал сказания об азиатских чудотворцах, проповедниках и учителях ислама. Засунув рукописи за пазуху, юный ревнитель богословия скрывался в рыночной толпе. Но особенно внимательно осматривал он случайные товары, разложенные на толкучем рынке, на земле. Среди них не попадались ни английские часы, ни карманные компасы, ни пружинные барометры. Никто не выносил на рынок молотка, насаженного на длинную рукоятку, — обычного орудия искателей земных руд. Тайным его намерением было все же разыскать в Яркенде проводника-индуса.

Предпринять новую поездку по стране Валиханов не мог, но времени даром не тратил: выискивал старинные рукописные книги, скупал образцы ремесленных изделий, драгоценный «камень вечности» нефрит, столь ценимый китайцами, собирал сведения по экономике края, его истории и особенно тщательно — о событиях последних лет, о ходже Уали. И постепенно Валиханов сумел восстановить всю историю правления фанатичного ходжи. Ему рассказывали о нем старики, купцы, нищие, которых Валиханов кормил в своей лавке. Чокан жадно слушал их, стараясь все хорошо запомнить, ибо часто не имел возможности записать хоть одно слово. Страшную память оставил по себе ходжа Уали, борец против неверных. Правление кровавого ходжи окончилось вскоре после казни Шлагинтвейта. Преданный сподвижниками и проклинаемый населением, ходжа бежал из Кашгара и снова обосновался в Коканде.

Давно уже отъелись на пастбищах лошади и верблюды. Зажили раны на их спинах, и пора было собираться в обратный путь. Однако зима свирепствовала и на равнине, и в горах. Доступным оставался только проход на Коканд, но в Коканде Валиханова могли опознать. И в это время по Кашгару вновь пронеслась молва о том, что с караваном Мусабая в страну проник русский агент. Говорили, что скрывается он за городом, на пастбищах, среди слуг каравана. Один чинов-

ник из Коканда осмотрел все юрты, приказал вывести к нему всех работников каравана, после чего проехался по пастбищам, но русского так и не обнаружил. В начале февраля до Кашгара дошел слух, будто ходжа Уали опять сбежал из Коканда и находится у киргизов. Обстановка в Кашгаре все больше накалялась.

Валиханов стал торопить Мусабая в обратный путь. Долгое нервное напряжение давало о себе знать, и все труднее становилось ему разыгрывать из себя беззаботного молодого гуляку. Давно уже упаковал он дневники, старинные уйгурские книги, образчики рукописей, ремесленных изделий из шерстяных и бумажных материй. Ему не давала покоя трагическая история Шлагинтвейта, мысль о судьбе его записок. Малейшая неосторожность, и... все сделанное им — Валихановым — канет в небытие, и Кашгария по-прежнему останется белым пятном для мировой науки.

После долгих проволочек 7 марта 1859 года караван выступил из Кашгара. Чокан должен был догнать его с билетом-разрешением на выезд от китайского правительства. Ради этого он и остался в Кашгаре, веселясь на прощанье в доме аксакала Нурмухаммеда. 11 марта купец Алимбай в благодушном настроении вышел из дома аксакала вместе с хозяином. Нурмухаммед, не доверяя ни китайским, ни кашгарским властям, самолично проводил своего молодого друга за ворота Кашгара. И мало того, он послал с караваном своего доверенного человека.

В ожидании разрешения на выезд караван стоял недалеко от пикета Ислык. От Ислык-пикета караван двинулся не тем путем, которым пришел в Кашгар, а новым — по течению реки Тоин. Чокану пришлось тайно отлучиться, чтобы на южном склоне Теректы выкопать свой дневник, зарытый 26 сентября. Три дня караван поднимался по ущелью реки Тоин. Наверху путников встретил холодный, пронизывающий ветер. Возможно, что именно тогда Чокан простудился. Он нигде в своих записях не говорит о болезни, но возвращался он больным, часть дневника написана чужой рукой, под диктовку.

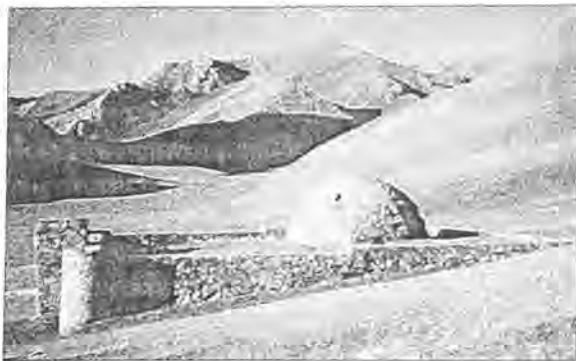
Немало испытаний выпало на долю Валиханова и его спутников. Еще в городе они узнали, что за ними неотступно следуют соглядатаи, что о богатствах каравана распускаются самые фантастические слухи и все любители чужого добра с нетерпением ожидают, когда караван появится в их владениях. Грабежи на большой дороге в Кашгар были для этих людей весьма прибыльной статьей дохода.

18 марта караван вышел в долину озера Чадыркуль. Здесь находился опасный обледенелый проход Таш-рабат. На вы-

ходе из ущелья Чокан увидел длинное здание караван-сарая, сложенное из сланцевых плит, — Таш-рабат. По нему и получил свое название проход. Два проводника, присланных из кокандской крепости Куртка для наблюдения за караваном, не сводили глаз с купца Алимбая. Проводники повели караван в долину реки Нарын кружной неудобной дорогой и привели его 22 марта в крепость Куртка. Начальник крепости приказал для сбора закета развязать вьюки. Кокандцы сильно разочаровались, увидев, что законный налог в размере 124 золотых караванщики уже заплатили, поэтому удовлетворились тем, что им сунул Мусабай, и унесли с собой 2 ямба и 20 лянв²¹ серебра, фунт чая и 5 халатов. «Дадено всего на 31 рубль».

В Куртке Чокан распрощался с доверенным человеком аксакала Нурмухаммеда и отправил к нему благодарственное письмо. 24 марта Мусабай вывел караван из крепости. Начинаясь самый опасный участок пути от Куртки до русских владений.

В пути Валиханов и его спутники в полной мере извели на себе «гостеприимство» киргизских родовых старейшин. Как только караван вышел из Куртки, предводитель саяков Осман немедленно послал своего человека, чтобы пригласить наших купцов «в гости». Мусабай изменился в лице. Старый караван-баши прекрасно знал, что означает такое приглашение. Он не сомневался в том, что Осман-датха затеял узаконенный грабеж, придерживаясь древнего права. Оно состояло в том, что купцы, проходящие по земле начальника киргизского рода, должны были уплатить закеты, затем дать выкуп за право свободного проезда, преподнести ему дары и ни в коем случае не отвергать гостеприимства. Кокандцы отменили статьи этого неписаного закона, за исключением

Таш-рабат

последней, касающейся гостевых обязанностей караванщиков. Мусабай знал, что глава саяков прикажет зарезать для гостей двух тощих баранов, а наутро потребует дары «за гостеприимство». Подарки должны соответствовать высокому достоинству хозяина. Если он останется недоволен, гостям придется платить большую пеню. В самых изысканных выражениях караван-баши отказался от приглашения. Но не тут-то было! К каравану на полном скаку мчались новые всадники и, окружив его, погнали в аул Османа. Караван вынужден был остаться на ночлег. Мусабай записал: «Дано через вымогательство товару на 25 рублей». В другой раз: «Дано через вымогательство» сукно, парча, мех, даже верблюдица с верблюжонком, всего на сумму 120 рублей.

Уже в Иссык-Кульской котловине они подверглись последнему испытанию, когда шли по Заукинскому ущелью. У выхода из Зауки караван остановили киргизы рода сарыба-

Сартай — киргизский манап из рода сарыбагыш.
Акварель. 1856

гыш. Они откуда-то прознали, что в семипалатинском караване возвращается из Кашгара поручик Валиханов. Караван окружили и под конвоем погнали в аул старейшины рода Турегельды, стоявшего где-то возле Джеты-огуза. Турегельды был одним из самых коварных разбойников. Мусабай клялся, что человека по фамилии Валиханов в караване нет, и показывал бумаги. Турегельды кивнул одному из своих людей. Тот вышел вперед, указал на Чокана.

— Он Валиханов. Я видел его в русской крепости Верный. — Турегельды держался нагло.

— Эй, снимай халат, давай нам. — Чокан, не говоря ни слова, снял и отдал халат. — Ты русский офицер, я тебя отвезу в Коканд, — издевался Турегельды. — Тебе отрубят голову, а мне дадут чин. — Мусабай пытался склонить его к переговорам о выкупе.

— Какой выкуп? — ухмылялся Турегельды. — Караван весь будет мой. В Коканде разгадали ваш обман. В погоню за русским выслан отряд, он скоро будет здесь.

Караван провел в плену у Турегельды несколько дней. К счастью, вовремя подошел русский военный отряд, посланный им навстречу, и Турегельды, получив «через вымогательство» товаров на сумму 365 рублей — самую крупную в памятной книжке караван-баши, ушел в горы, не рискуя обострять отношений с русскими. Впервые в ту ночь Валиханов заснул спокойно.

Позже стало известно, что кашгарский аксакал Нурмухаммед действительно получил предписание кокандского хана изловить и убить человека, выдававшего себя за купца Алимбая, но нарочно медлил. Кокандские всадники гнались за караваном, но не догнали.

12 апреля путники увидели, что в окрестностях Верного только-только начинает зацветать урюк. Выехавший навстречу каравану начальник Алатауского округа майор Г. А. Колпаковский сказал усталому и больному человеку в азиатском халате: «С благополучным возвращением, Чокан Чингисович! А мы уж все глаза проглядели». «Книга для записи прошедших караванов, частных лиц и других через укрепление Верное» свидетельствует, что поручик Валиханов, несмотря на болезнь, оставался там всего 13 дней, после чего поспешил в Семипалатинск, вслед за караваном.

«12 апреля 1859 года, — отметил в своем дневнике Чокан, — я приехал в укрепление Верное. Путешествие мое продолжалось с 28 июня 1858 года по 12 апреля 1859 г., 10 месяцев и 14 дней».

13 июля 1859 Гасфорт доносил военному министру Н. О. Сухозанету, что караван, «посланный в мае месяце минувшего года в Кашгар, окончив успешно свои торговые дела, возвратился в Семипалатинск. Вместе с тем прибыл в

Омск и находившийся при этом караване поручик султан Чокан Валиханов». Сообщается также, что вскоре после своего возвращения он тяжело заболел. Причины недуга — лишения, нравственные потрясения от сознания опасностей. Гасфорт даже не ру-

Укрепление Верное.
Рисунок П. П. Семенова. 1857

чался за благополучный исход болезни, оговариваясь, что Валиханов от рождения слаб здоровьем.

Поправившись, Чокан составил отчет о путешествии и передал его Гасфарту. Тот поспешил сообщить в столицу, что описание Кашгарии необычайно занимательно, полезно и для правительства, и для науки. Поручик Валиханов в своем отчете показывает политическое, торговое и военное состояние страны, мало известной ученым. Он исправляет ошибки иностранных географов, писавших о Кашгаре, но знавших эту страну лишь по слухам, доходившим в Западную Европу.

В кратком отчете Чокан Валиханов подвел итоги своей экспедиции. В нем говорилось: «Северный склон Тянь-Шаня был в новейшее время исследован со стороны России,.. но... П. П. Семенову удалось пробраться только до источников [истоков] реки Нарына,.. я же перешел Тянь-Шань по двум направлениям, осмотрел окрестности Кашгара и Янысара [Янгисара. — Э. Ю.]...». Во время путешествия были собраны сведения «о джунгарской фауне, о древностях этой страны,.. о ее жителях».

По мнению Валиханова, «Джунгария не отличается большой своеобразностью растительности» по сравнению с южной частью киргизских (казахских) степей, «но в зоологическом отношении действительно заметна некоторая особенность». В отчете подробно перечислены животные и птицы, встретившиеся ученому во время экспедиции. Попутно он собрал небольшую орнитологическую и энтомологическую коллекцию.

Особое внимание уделил Ч. Валиханов историко-культурным и этнографическим моментам. Он писал о следах былой оседлости и древнего восточного христианства в окрестностях Иссык-Куля, о приобретении старинных вещей и монет, найденных в развалинах Алмалыка. Упомянув об обнаруженных им древних горных разработках, ученый подчеркивает, что горное дело было достоянием древних тюрков

Панорама Омска. Сер. XIX в.

Ваза и миска, привезенные
Ч. Валихановым из Кашгара

тугу (тукю), которых китайцы называли «рудокопами жужанского дома²⁵». Их потомки на протяжении веков продолжали это занятие, поэтому одно из тюркских племен получило от русских, покоривших Сибирь, прозвание «кузнецких»: «Оно исключительно занималось сплавкой руд и снабжало металлическими изделиями соседних монголов...».

Объем собранных историко-фольклорных материалов, касающихся казахов и киргизов, был достаточно велик. «Этнографические очерки, статистические сведения, исторические известия, памятники народной литературы уйсун²⁶ и Дикокаменной орды²⁷ составляют несколько тетрадей в моих записках». Валиханов подчеркивал необходимость четко различать уйсун²⁶ (казахов) и дикокаменных киргизов (киргизов), которых тогда зачастую смешивали даже крупные европейские ученые: «Эти два народа отличаются по языку, по происхождению, по обычаям».

Валиханов писал, что во время путешествия по Кашгару он старался изучить уйгурский язык, совершенно незнакомый европейским ученым, составил словарь с примерами идиом, записывал народные песни. Были приобретены древние рукописи, заключавшие сведения по истории Кашгара, его политической жизни, распространению ислама и религиозных войнах, и героический роман, в который вошло много исторических преданий. Он также собрал небольшую нумизматическую коллекцию, коллекцию «горных пород... куски нефрита... яшмы, мрамор, хрусталь, песочное золото...».

Исследователь хорошо изучил азиатскую торговлю, познакомился с «предметами караванной торговли вообще и особенно в Кашгаре, с среднеазиатским купечеством, с их коммерческими понятиями и экономическими соображениями», привез также изделия туземных мануфактур и образцы английских товаров, продаваемых на рынке в Кашгаре.

Осуществляя во время путешествия с благословения П. П. Семенова обширную научную программу, нелегально проникший в Кашгарию под видом азиатского торговца русский офицер Валиханов выполнял и задание иного рода. По поручению Г. Х. Гасфорта он собирал сведения военного характера — исчерпывающие данные о крепостях и их гарнизонах, об их вооружении, складах продовольствия и боеприпасов, составлял топографически точные схемы дорог, перевалов, рек и переправ, записывал данные о наличии колодцев, дорожного корма и топлива.²⁸

В Петербурге с нетерпением ждали валихановский отчет. Отчет — даже в предварительном варианте — настолько заинтересовал правительство, что Министерство иностранных дел послало ему срочный вызов. В начале 1860 года Валиханов приехал в Петербург и оказался в центре внимания: и географы, и этнографы-ориенталисты, и военные, и дипломаты спешили познакомиться с молодым путешественником, побольше узнать о результатах его исследований.

4 мая 1860 года на заседании Императорского Русского географического общества в доме близ Певческого моста (набережная реки Мойки, 14) его действительный член Чокан Чингисович Валиханов сделал сообщение о своей экспедиции в Кашгар. П. П. Семенов предложил Валиханову написать подробные очерки о Кашгаре с тем, чтобы опубликовать их в журнале Императорского Русского географического общества.²⁹ С отчетом Валиханова ознакомились министр иностранных дел А. М. Горчаков и товарищ военного министра Д. А. Милютин. В записке о политике России в Средней Азии, поданной ими Александру II, говорилось, что новые завоевания не принесут выгоды и что надо приобретать влияние и утверждаться в среднеазиатских ханствах, не вмешиваясь в их внутренние дела, развивая торговлю и земледелие.³⁰

По ходатайству генерал-губернатора Г. Х. Гасфорта «В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы состоящего по армейской кавалерии поручика султана Чокана Валиханова, оказанной им при исполнении возложенного на него осмотра некоторых из пограничных среднеазиатских владений, сопряженного с усиленными

Товарищ
военного министра
Д. А. Милютин

Министр иностранных дел
А. М. Горчаков.
Портрет Н. Богацкого

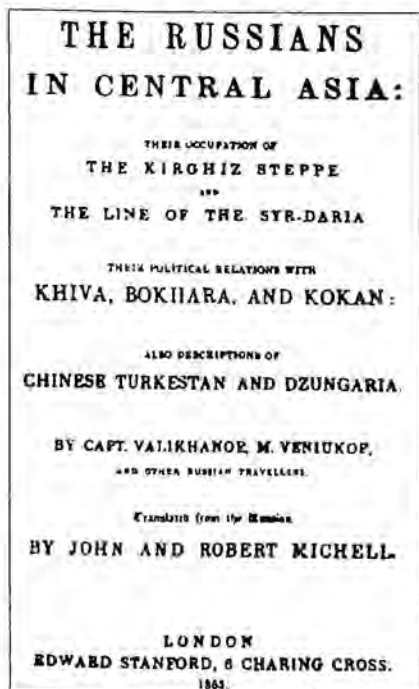
трудами, лишениями и опасностями» он был произведен в штабс-ротмистры³¹.

Александр II проявил большой интерес к экспедиции Валиханова, к личности офицера из инородцев, столь блестяще аттестованного Гасфортом. Получив от него представление Валиханова к ордену Святой Анны, Александр II счел награду недостаточной и написал на полях «Валиханову Владимира».³² Чокан был удостоен личной аудиенции царя и получил награду из рук государя.

Месяцы, проведенные в Петербурге, были насыщены напряженной работой и встречами с интересными людьми. По ходатайству А. М. Горчакова Чокана причислили к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел. В Военно-ученом комитете он руководил подготовкой карт Средней Азии и Туркестана. При его участии были выполнены «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», «Рекогносцировка западной части Заилийского края», «План города Кульджи», «Карта к отчету о результатах экспедиции на Иссык-Куль», «Карта Западного края Китайской империи». В свободное от службы время Чокан посещал лекции Восточного разряда (факультета) Петербургского университета, с университетских лекций спешил в вечерние классы Академии художеств. В Петербурге он встречался со своим другом Ф. М. Достоевским, с выдающимися учеными — ректором университета А. Н. Бекетовым, зоологом Н. А. Северцовым,

с коллегами-востоковедами, познакомился с любимыми поэтами Я. П. Полонским и А. Н. Майковым. Читал «Современник» Н. Г. Чернышевского и «Колокол» А. И. Герцена. Личностью Ч. Валиханова интересовались многие высокопоставленные люди — министр внутренних дел при Николае I граф Д. Н. Блудов, президент Академии художеств граф Ф. П. Толстой, обер-прокурор Святейшего синода граф А. П. Толстой. Был Чокан представлен А. М. Горчакову и Д. А. Милютину.

Сколько бы высоких знакомств ни завел Чокан в Петербурге, он и пальцем не шевельнул ради своей карьеры. Однако он вполне использовал свои связи, чтобы выхлопотать награды Букашу Аупаеву и Мусабая Тахтубаеву. Оба они получили золотые медали на шею; не были забыты купцы и рядовые работники, бывшие при караване.

Титульные листы сборника «Русские в Центральной Азии» (Лондон, 1865), и XXIX тома Записок ИРГО (СПб., 1904), куда вошли произведения Ч. Валиханова

Ч. Валиханов. Не ранее 1860. Фото

Повышенное внимание к молодому офицеру и общественный интерес к нему определялись прежде всего большой значимостью его работ, таких как «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии в 1858–1859 гг.)», «Очерки Джунгарии». Произведения Чокана Валиханова очень быстро были переведены и изданы на Западе: в Берлине (1862), в Лондоне (1865) и вошли в 6-й и 7-й тома 19-томной французской «Всеобщей географии» Элизе Реклю, вышедшие в 1878–1879 годах. В России собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова вышло в свет в 1904 году под редакцией видного востоковеда профессора Н. И. Веселовского, составив XXIX том «Записок Императорского Русского географического общества по отделению этнографии».

Значение подвига Чокана Валиханова перед наукой прежде всего в том, что он стер еще одно «белое пятно» на географической карте мира: Кашгария перестала быть загадкой для европейцев. Именно он сделал первый шаг в исследовании русскими путешественниками Центральной Азии. Вслед за ним отправился его однокашник по кадетскому корпусу и близкий друг Григорий Потанин, в Кашгарии побывает путешественник и географ М. В. Певцов, до Иссык-Куля дойдет Н. М. Пржевальский.

Петербургские зарисовки Чокана Валиханова

Портреты неизвестных. 1860

Казалось, в столице перед Валихановым открывались блестящие перспективы. Но болезнь подтачивала его силы. И весной 1861 года он был вынужден уехать из Петербурга в родные степи, увозя с собой неоконченные рукописи и по-прежнему мечтая о научной работе. Оттуда в январе 1862 года Чокан Валиханов писал Достоевскому: «...с моим здоровьем в Петербурге жить постоянно нельзя. Поэтому я хочу получить место консула в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить у себя в Орде по выборам».

На родине Чокан возвращается к собиранию фольклора, продолжает работать над своими сочинениями, пытается бороться с суевериями и невежеством соотечественников, против произвола и насилия власть имущих. Последние годы жизни он не был одинок: рядом была его жена Айсары — сестра султана Тезека, полковника русской службы. Но жить Чокану оставалось недолго. Он скончался 10 апреля 1865 года, не дожив до 30 лет, и был похоронен в урочище Кочен-Тоган у подножья Алтын-Эмельского хребта.

Так ушел из жизни человек, намного опередивший свое время. Сто лет спустя его именем станут называть улицы, воздвигать ему памятники, создавать музеи...³¹

А тогда над могилой молодого султана Валиханова его брат Жакуп поставил кирпичный мавзолей,

Мавзолей Чокана Валиханова.
Рисунок Г. Потанина

Рисунки Чокана Валиханова последних лет

Портрет Тезека. 1865

Портрет дяди Чокана Конходжи. 1862

Дом под сенью туранги. Акварель. 1865

Памятник Чокану Валиханову
в Омске.

Скульптор А. Байрлин.

Дар Президента

Республики Казахстан

Нурсултана Назарбаева

городу Омску. 2004

на стене которого укрепил табличку с текстом молитвы. И только через пятнадцать лет, в 1881 году, «во внимание ученых заслуг» штабс-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова Г. А. Колпаковский, будучи уже военным губернатором Семиреченской области, установил скромный памятник — мраморную плиту с надписями на русском и казахском языках.

Чокан Валиханов жил как бы на стыке двух цивилизаций — он был способен видеть явления Степной культуры как изнутри, так и извне, глазами образованного европейца. Выдающийся ученый, просветитель и демократ до конца своих дней был твердо убежден, что будущее Казахстана неразрывно связано с будущим России: «Общественное развитие казахов есть часть всероссийского прогресса».

Чокан Валиханов (после Кашгарской экспедиции).
Рисунок Н. К. Зикеева. Из кн: Забелин И. М. Чокан Валиханов, М., 1956

- 1 Джунгарское (Ойратское) ханство — государство западных монголов (ойратов), возникшее в XVII веке. До конца своего существования (сер. XVIII в.) осуществляло агрессию в отношении казахских земель.
- 2 После распада в начале XVIII века Казахского ханства на его территории образовались три жуза (орды) — Большой, Средний и Малый, управляемые собственными властителями. Большой жуз занимал юго-восточную часть Казахстана, Средний — центральные и северо-восточные территории, а Малый — западные. Средний и Малый жузы приняли российское подданство в XVIII веке, а Большой жуз — в середине XIX века.
- 3 Основанное в 1813 году как Войсковое казачье училище, оно в 1846 году было преобразовано в Сибирский [кадетский] корпус. Впоследствии он переименовывался в Сибирский кадетский корпус (с 1882) и в Омский кадетский корпус (с 1907).
- 4 Изобразительное наследие Ч. Валиханова насчитывает около 150 живописных и графических произведений. Он работал карандашом, пастелью, тушью, сепией, писал акварелью и маслом. Множество рисунков выполнены пером непосредственно в тексте путевых записок. Это было характерно для русской культуры 30-х–40-х годов XIX века — вспомним рисунки Пушкина и Лермонтова. Тематика его работ разнообразна — зарисовки этнических типов разных народов, жанровые сценки, виды городов и отдельных архитектурных сооружений, изображения животных и растений. Работы Чокана еще при его жизни публиковались в русских журналах, неизменно привлекая внимание читателей. Валиханов никогда не считал себя художником, признавая только сугубо утилитарное, прикладное значение своего изобразительного творчества. Однако сегодня мы можем с полным правом называть его первым профессиональным художником своего народа, стоявшим у истоков казахского изобразительного искусства нового времени.
- 5 Целиком и полностью воспитанный на русской литературе, проникшись духом русской культуры, Чокан впоследствии достиг необыкновенного мастерства в описаниях своих путешествий по Казахстану, Киргизии, Джунгарии и Кашгарии. По свободе изложения, силе и живописности языка «Дневник поездки на Иссык-куль», «Кашгарский дневник» и «Очерки Джунгарии» не уступают лучшим образцам русской путевой прозы. Напомним, что произведения эти написаны человеком, совсем недавно приобщившимся к русскому языку и культуре.
- 6 Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) — видный русский географ, ботаник, этнограф и фольклорист, исследователь Азии.
- 7 В своем письме от 14 декабря 1856 года он пишет: «...я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам, ...». И далее: «Дорогой мой друг, милый Чекан (так!) Чингисович... не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и

Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей Родине просвещенным ходатайством за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце».

- ⁸ Цинь — маньчжурская императорская династия, правившая в Китае с 1644 по 1911 год.
- ⁹ Верное — старое, до 1921 года название города Алма-Ата (Алматы). Основан в 1854 году как русское укрепление.
- ¹⁰ Гутковский Карл Казимирович — полковник, ближайший сотрудник генерал-губернатора Г. Х. Гасфорта, управляющий Областью сибирских киргизов. Прослужив 20 лет в Западной Сибири, считался крупнейшим знатоком Степи. В Сибирском корпусе Чокан слушал его курс практической геодезии.
- ¹¹ Ходжи — люди, считавшиеся потомками пророка Мухаммеда и долгое время властвовавшие в Кашгаре. Их насчитывалось не менее 200 человек. Воспользовавшись их междоусобной борьбой, Китай в 1759 году завершил покорение страны Нан Лу (Шестиградие). Не смирившись с утратой власти, ходжи бежали в Коканд и вынашивали мечту о газавате — «священной войне» против «неверных» китайцев. Первый мятеж вспыхнул в 1826 году, когда ходжа Джангир после продолжительной осады взял город Кашгар. Восстание было жестоко подавлено цинскими войсками. В 1847 году вдохновителем бунта был Катта-хан. Заняв Кашгар, он предал город насилию и грабежу. Узнав о приближении карателей, ходжи бежали, унося награбленное. Через 10 лет новое вторжение в Кашгар совершил свирепый ходжа Уали (Вали). Во всех мятежах участвовали кокандцы, подстрекавшие ходжей и вселявшие в кашгарцев надежды на освобождение. Китайцев они запугивали газаватом, которые за это ненавидели кокандцев.
- ¹² Китайская провинция Нан-лу, или Кашгария, известная также под названием Малой Бухарии, или Алтышара (Алты-Шахара) — по-русски Шестиградия. Сюда входили Кашгар, Янысар, Яркенд, Хотан, Аксу и Уч-Турфан.
- ¹³ По Кульджинскому договору 1851 года, положившему начало регулярной торговле между Китаем и Россией через среднеазиатскую границу, были учреждены российские консульства в Чугучаке и Кульдже, а в Семипалатинске — таможенная служба. Азиатский департамент МИД предполагал учредить консульство и в Кашгаре. Но по указке неизвестных подстрекателей толпа преступников-китайцев ворвалась на территорию русской фактории в Чугучаке, разорила и сожгла лавки и склады. Убытки составили 285 353 рубля. Консул спасся бегством.
- ¹⁴ Перемышльский Михаил Дмитриевич — в 1851–1856 годах занимал должность главного пристава (чиновника для связи царского правительства с кочевыми народами) при киргизах Большой орды. С 1856 года — начальник Алатавского (Алатауского) округа.
- ¹⁵ Барымтачи (барантачи) — разбойники, занимавшиеся барымтой (барантой), насильственным угоном скота, как правило, членами одного рода с целью возмещения убытков. Барымта могла быть также возмездием за грабеж, убийство и т. д. Допускалась обычным правом. Здесь: обыкновенный разбой.
- ¹⁶ Шлагинтвейт Адольф (1829–1857) — немецкий естествоиспытатель и путешественник, исследователь Индии, Гималаев, Китайского Туркестана. Казнен в Кашгаре Уали-ходжой в августе 1857 года.
- ¹⁷ Число «9» у ряда азиатских народов считалось священным. Кроме символического смысла оно могло обозначать полноту возмещения ущерба, дара и т. д. В данном случае подразумеваются девять голов скота или девять каких-либо ценных предметов, уплачиваемых в качестве выкупа или преподносимых в подарок.
- ¹⁸ Негативное отношение к татарам в Кашгарии было следствием политики русских властей на вновь присоединенных к империи территориях сначала Среднего, а затем

и Большого жузов. Желая усилить контроль за мусульманским населением новых земель и ослабить влияние духовенства из Бухары и Коканда, русские власти реставрировали и строили здесь мечети, поощряли приезд татарских мулл из Казани и Уфы. Однако вскоре оказалось, что их проповеди способствуют разжиганию среди казахов религиозного фанатизма и нетерпимости, доселе совершенно им не свойственных. Поскольку граница между Российской империей, куда в 60-х годах XIX века вошли земли Большого жуза, и Китаем была в то время достаточно условной, влияние проповедей татарского духовенства стало распространяться на прилегающие кашгарские территории. Жители Кашгарии, отличавшиеся достаточной веротерпимостью, к пришлым проповедникам относились с неприязнью, а каждый татарин стал у них ассоциироваться с образом муллы-фанатика. Местные китайские власти также видели в этих людях потенциальных возмутителей хрупкого спокойствия.

19 Закетчи (закетчи) — сборщик закета (закета), налога на имущество состоятельных мусульман в пользу немущих, путешествующих и участников джихада. Взимался со скота, ремесла, торговли, наличных денег и драгоценностей.

20 В Китайском Туркестане существовало своеобразное двоевластие. Поднебесная империя держала во всех крупных городах свои гарнизоны, а в приграничных крепостях стояли китайские пикеты. Однако делами внутреннего управления китайская администрация во главе с амбанем не занималась. Она раздавала должности туземным бекам, заботой которых был сбор податей, отправляемых китайскому императору — богдыхану, а также налогов в пользу местной власти, взимаемых с кашгарского населения.

Правительство богдыхана Дао Гуана в 1831 году предоставило Кокандскому ханству в Алтышаре исключительные права. Во-первых, Кашгар был куда ближе к цветущей Ферганской долине, чем к областям внутреннего Китая, да и скота и товаров там было мало. «Анджанцы», то есть кокандцы, ташкентцы, бухарцы, ввозили в Кашгарию товары и припасы, пригоняли скот, и ради этого для них были открыты заставы на путях через Тянь-Шань. Кокандцам был передан также сбор всех пошлин на товары иноземного происхождения. Во-вторых, пекинское правительство надеялось, что за это высшие сановники Коканда будут держать ходжей под строгим присмотром и не позволят им сеять смуту за Тянь-Шанем.

21 Золотые — здесь: золотые монеты, бывшие в ходу в Кашгаре, — кокандские тилля (букв. «золото») и бухарские ашрафи (букв. «благородные») весом около 4,5 граммов. Были равны 19–21 таньга и приравнялись к 3 рублям 80 копейкам.

22 Ямб (кит. юань-бао — «источник богатства») — серебряный слиток, обычно ладьевидной формы. Были трех видов, различавшихся по весу. Наибольший содержал $4 \frac{3}{8}$ фунта серебра. Использовались в качестве средства платежа, а также как товарный металл.

23 Российский консул Н. Ф. Петровский в 1887 году купил в Кашгаре на рынке великолепный термометр, принадлежавший немецкому путешественнику. На футляре тисненой кожи было имя Шлагинтвейта.

24 Лян — китайская единица измерения веса серебра, а также мелкая серебряная монета. Ямб чаще всего равнялся 50 льям, но могли быть и другие соотношения.

25 «Жужанский дом» — правящая династия Жужаньского союза племен, обширного государства, существовавшего в Центральной Азии в IV–VI веках.

26 Уйсуну — племенное название казахов Большой орды. Происходит от названия племен древних усуней, населявших Казахстан и Киргизию во II в. до н. э. — V в. н. э.

27 Дикокаменные (горные) киргизы, кара-киргизы, буруты — так в русской литературе XIX в. называли киргизов Тянь-Шаня.

28 Вот некоторые заметки военного разведчика Валиханова, сделанные им в Кашгарии:

«Все города Восточного Туркестана обнесены стеной, которая сверху суживается и имеет около 5 сажен толшины; высота их бывает до 8 и более саженей. Около ворот и по углам сделаны контрфорсы. Ворота дощатые и строятся в 3 ряда. Вокруг стены с наружной стороны выкопаны рвы в 3 сажени и более глубины, через которые переброшены мосты».

«Китайская цитадель [в Уш-Турфане. — Э. Ю.] находится в центре мусульманского поселения и имеет 4 ворот и одной стеной (северной) примыкает к скале; считается сильно укрепленной, имеет до 800 человек гарнизона».

«... по недостатку фланговой обороны китайские крепости и города Малой Бухарии не представляют особой трудности и не могут выдерживать правильной осады...».

«Китайские гарнизоны расположены в Малой Бухарии в таком количестве: в Кашгаре — 5500 человек, в Яркенде — 2200, в Хотане — 1400, в Аксу — 600 и в Турфане — 800. Присоединяя к этому гарнизоны в значительных селениях... и считая команды на пограничных караулах и на станциях... нужно полагать, что оно не превышает 15 тысяч».

«Солдаты... вооружены луками и стрелами, только небольшая часть — ружьями. Артиллерии... мало... Пушки заменяют в китайских цитаделях крепостными ружьями, которые имеют прислугу из трех человек...».

«Китайцы имеют на случай войны в Малой Бухарии военные запасы в Лянчжоу и хлебные магазины в Комуле и Урумчи».

- 29 Весной 1861 года «Очерки Джунгарии», в основу которых лег экспедиционный отчет, и другие работы Ч. Валиханова, посвященные истории и культуре Средней и Центральной Азии, были опубликованы в «Записках Императорского Русского географического общества».

- 30 Кашгарскими делами заинтересовались не только военные и дипломаты, но и Министерство финансов. Валиханов в своем отчете счел необходимым особо выделить вопрос о достоинствах российских товаров. Еще в первом своем путешествии на Иссык-куль он обратил внимание, что у киргизов русские ситцы, красная кожа — юфть, железная и чугунная посуда стали предметами первой необходимости. В Кашгаре он отметил, что по объему привоза и спросу первенство принадлежит товарам из России, что они продаются лучше, чем азиатские и английские, и это в перспективе могло привести к вытеснению с кашгарского рынка английских хлопчатобумажных изделий. Особое место в отчете отведено возможности для России покупать в Кашгаре хлопок. Кашгарский хлопок был, по мнению Валиханова, выше качеством, чем кокандский, где его снимают незрелым. Приводится и сравнительная таблица цен на товары, вот некоторые из них:

Вид товара	Цена при покупке на Ирбитской ярмарке	Цена при продаже в Кашгаре
Сукно мезерицкое* шириной в 2 1/2 аршина: 1 кусок — 25 аршин	60 рублей	23 золотых
Низкосортное сукно: 1 аршин	1 рубль 70 копеек	10 золотых
Рижский бархат: 1 аршин	1 рубль 50 копеек	2 S золотых
Плис	23 копейки	18 аршин на 1 золотой
Платки: дюжина	2 рубля	1 золотой за 40 штук
Зеркала: 1 штука	2 рубля	4 S золотых за 5 штук
Красная кожа — казанская юфть: 1 связка — 6 кож	3 рубля	10 золотых

* Мезерицкое (менджеритское) сукно специально изготовлялось для продажи в Китае. Служило единицей ценности при меновой торговле, поэтому куски сукна имели строго определенные размеры.

- ¹¹ Штабс-ротмистр — обер-офицерский чин в кавалерии (выше поручика, но ниже ротмистра). До 1884 года соответствовал IX классу Табели о рангах.
- ¹² По сложившейся в России традиции возможность получения определенного ордена связывалась с тем, к какому классу Табели о рангах относился чин награждаемого лица. Чокан Валиханов, будучи штабс-ротмистром, имел право на орден Святой Анны IV степени. Присвоение ему волей государя ордена Святого Владимира IV степени, занимавшего более высокую ступень в иерархии российских орденов, и получение награды из рук монарха означало его особое благоволение. По статуту ордена награждение им давало право на потомственное дворянство.
- ¹³ Памятники Чокану Валиханову установлены в городах Казахстана — Алма-Ате, Семипалатинске, Кокчетаве, а также в Омске и в столице Киргизии Бишкеке. В 1985 году в честь 150-летия со дня рождения Ч. Валиханова в Алтын-Эмеле был открыт мемориальный комплекс.

Вступительное слово. <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Российской Федерации Э. К. Турисбеков</i>	3
О Чокане Валиханове. <i>Профессор Т. И. Султанов</i>	5
К читателю. <i>Э. С. Юсупов</i>	7
Годы учебы.....	9
Первые шаги	12
Подготовка экспедиции	20
К заветной цели	24
В Кашгаре.....	30
Обратный путь	40
Наконец дома	44
Триумф Чокана	48
Конец жизни	54
Примечания	58

Эржан Сагимбекович Юсупов

Подвиг Чокана Валиханова.

Открытие Кашгарии

Художник М. Б. Малугва

Корректор С. Н. Павлюченкова

Оригинал-макет подготовлен

ООО «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА»

Подписано в печать 29.10.2009. Формат 60 × 90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Minion.

Объем 4 п. л. Тираж 1000 экз.

Заказ № 160.

Отпечатано в ООО «ИПК «БИОНТ»

Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86

800

00048795

Эржан Сагимбекович Юсупов

Родился в городе Джамбул Казахской ССР 28 февраля 1934 года. Воспитывался в Суворовском училище. После окончания военно-инженерной академии служил на дальних рубежах Родины. После окончания Восточного факультета Ленинградского государственного университета работал в учреждениях Академии наук.

23 июня 2007 года на парадной лестнице Русского географического общества в галерее портретов выдающихся российских ученых-первооткрывателей появился портрет Чокана Чингисовича Валиханова.

Этому предшествовало письмо Э. С. Юсупова в Правление РГО РАН, подписанное также профессором Санкт-Петербургского государственного университета Т. И. Султановым и подкрепленное авторитетом Генерального консульства Республики Казахстан в Санкт-Петербурге.